

РУССКИЕ В ЛОС-АНДЖЕЛЕСЕ

В апреле в США состоялись гастроли Московского ансамбля современной музыки. Среди исполняемых авторов в программе значился петербургский композитор Александр Радвилович, который в дни выступлений и мастер-классов ансамбля в университетах Лос-Анджелеса также находился в этом крупнейшем городе Калифорнии.

— Александр Юрьевич, как произошло, что в одно время в Лос-Анджелесе оказались и вы, и МАСМ?

— Моя поездка в Лос-Анджелес, которая была спланирована еще два года назад, случайно совпала с гастрольным ансамблем. Узнав я об этом во время своего авторского концерта 25 февраля в Малом зале Петербургской консерватории, в котором принимал участие МАСМ. Тогда же его арт-директор Виктория Коршунова решила, что мое сочинение «Сны Пьеро» будет исполнено на двух концертах в Лос-Анджелесе.

— Насколько вам известно, с МАСМом вас связывает долгая дружба.

— Я давно знаком с ансамблем — буквально с первых лет его существования — и сотрудничал с ним с середины девяностых, а с июня 2000-х коллектив — постоянный участник моего фестиваля «Звуковые пути». Исполнение МАСМа — это гарантия качества и проносивания в суть композиторского замысла. С ансамблем работай всегда интересно и увлекательно. Михаил Дубов, кажется, по силам любой фортепианный жанр композитора. Влад Песин может предложить на скрипке то, о чем композитор, возможно, и не задумывался. Олег Танцов виртуозно владеет кларнетом. Фаггастический флейтист Иван Бушнев умудряется брать на себя одновременно и роль дирижера. К сожалению, не смог выехать в США виолончелист Илья Рубинштейн, но заменивший его на гастроль Евгень Тока отлично вписался в коллектив. В общем все ансамблисты — музыканты высокого класса.

— Как концертные площадки принимали вас?

— Наши совместные с МАСМом концерты состоялись в Чапмен университете (Chapman University) и Калифорнийском университете Лос-Анджелеса (University California Los Angeles) — пожалуй, одним из важнейших музыкальных центров Калифорнии: именно там работал Арнольд Шенберг, а здание, где проходил концерт, носит его имя.

— Чем, на ваш взгляд, удивили американскую публику солисты ансамбля?

— Конечно же, безупречным мастерством. Но не только. МАСМ занимает, например, деятельность, которая называется по-английски score reading — чтение партитуры: музыканты читают с листа партитуры молодых композиторов. Навыки общения ансамблистов с современной музыкой совершенно уникальны, и с первых тактов начинающие авторы слышат высококачественное прочтение своей музыки, одновременно понимая свои недочеты, что так полезно в начале композиторского пути. Очень жаль, что во времена моей юности такого не было. В феврал

е счастливыми, чьи партитуры были прочтены, стали студенты Петербургской консерватории, а в апреле — студенты Калифорнийского и Чапман университетов. Действительно, одно дело, когда слушаешь запись, сыгранную студентом, и совсем иное, когда не самую, быть может, совершенную музыку интерпретируют настоящие профессионалы. Я присутствовал на чтении партитуры в Калифорнийском университете, где задавалась масса вопросов, на которые ансамблисты давали исчерпывающие ответы. При этом, если в процессе разбора и исполнения вопросы возникали у самих музыкантов, композитор обязан отвечать. Нередко в поисках логи-

чно исполнено дважды — в начале и в конце программы. Открытием стала для меня Вера Иванова. Она написала сочинение, основанное на исследовании алфавита Лахемана. Пьеса так и называется — The Laughing Man Alphabet. Эпиграфом к ней прозвучала краткая фортепианная пьеса Лахемана H nshen Klein. Создание своей музыки на базе чужого алфавита — несомненно, интересный опыт: обычно композитор придумывает свой алфавит и сам ему следует, но использование чужого приводит к неожиданным результатам. Конечно, мы используем свой алфавит, когда говорим по-русски, но в разговоре с иностранцем сразу переходим на другой алфавит или хотя бы пытаем-

Дж. Кеннеди (второй слева), А. Радвилович и А. Королева с преподавателями и студентами Калифорнийского университета

ся. У Веры это получилось блестяще, и я очень рад, что ее сочинение будет исполняться на моем фестивале в ноябре.

— Я ищу еще одно новое, кроме Веры Ивановой, имя в программе концерта — Шон Хайм.

— Шон Хайм — профессор Чапмен университета. Поэтому в программу естественно добавилось его Трио для флейты, виолончели и фортепиано. Этот вечер, открывшись пьесой ДСЧН Эдисона Денисова, завершился моими «Снами Пьеро». В последних тактах «Снов» исполнители «засыпают» под едва слышное шуршание по струнам фортепиано и «просыпаются», напряжению всматриваясь в зал, «разбуженные» оглушительным ударом крышки рояля.

— Эффект повернулся был сильный?

— Да, слушатели тоже окончательно проснулись (улыбается).

— Концерты с МАСМом в Лос-Анджелесе стали для вас счастливым случайностью, а как пришел лично ваш заранее запланированный концерт? Справдал ли ожидания? Как работало с американскими музыкантами?

А. Радвилович в кабинете А. Шенберга

— Меня и моего коллегу Анатолия Королева пригласил руководитель департамента музыки и танца Калифорнийского государственного университета в Лос-Анджелесе (California State University Los Angeles), которого зовут... Джон Кеннеди. Там и прошел третий концерт. Общение с университетским ансамблем, конечно, отличалось от сотрудничества с МАСМом. Музыканты старались откликаться на любую просьбу и выполнить все пожелания композиторов. Правда, это не всегда у них получалось. Например, флейтисту в моем сочинении так и не удалось мультифоника, да и пианистка «пропустила» наиболее сложные фрагменты, которые на репетиции мы прошили несколько раз. Я был не вполне доволен результатом, но американская публика оказалась много благодарнее автора.

— Как была выстроена программа?

— Она называлась «Русское рондо». Изначально планировалось произведения трех русских и трех американских композиторов, но поскольку один из американцев «отпал», меня попросили исполнить свою фортепианную композицию Sa(e)iten. У Джона Кеннеди исполнялась композиция Smoking Mirrors для кларнета. Блестящая солистка Элен Гуди Кастро во время исполнения не только показала все возможности инструмента, но еще и танцевала. Мне это напомнило «Большого Арлекина» Штокуауэна, где у перелетного Арлекином исполнителя — практически хореографическое па. В Трио молодого пуэрториканца Хуана Колона Эрнандеса — Шон Хайм, отзвуки танцевальной техники. У Джона Кеннеди — ритмы Центральной Америки и интонации фламенко. Произведения Леонида Резетдинова «Крино» по картине Мунка и «Открытый ключ» Анатолия Королева ансамблю удались. Кстати, в Калифорнийском университете я сыграл еще и программу фортепианной музыки петербургских авторов: Устольской, Слоновникова, Асламазова, Симаклина. Кнайфел и свою композицию Brave New World.

— Весьма насыщенная программа: четыре концерта за шесть дней. Было ли еще что-то интересное, помимо музыкальных событий?

— Для меня одно из самых важных событий — это посещение дома Арнольда Шенберга, кумира моей юности. Я заранее договорился с сыном композитора Рональдом и

его женой Барбарой о встрече. Она была довольно краткая, но на удивление сердечная. Большую часть рукописей, документов, партитур, портретов и других артефактов семья пердала в Музей Шенберга в Вене. В Лос-Анджелесе остались в основном копии, но сам дом сохранил. Особенно это заметно в рабочей комнате композитора. Она очень маленькая. На стенах — несколько семейных фотографий, на письменном столе сейчас нет партитур, зато лежит шахматная доска, которую сделала сам Шенберг. Оказывается, он любил мастерить, рамочки из дерева, шахматные фигурки, в коридоре под стеклом висят игральные карты, расписанные Шенбергом, а на шахматной доске лежит листок бумаги, исписанный его рукой.

— Один из его музыкальных автографов?

— Руководство по игре в большой теннис. Он был задлым теннисистом и прекрасно играл до конца жизни.

— Но что еще вы обратили внимание в доме Шенберга?

— Я приметил там большую фотографию Гершвина. Казалось бы, что их может связывать? Но вот история: Гершвин хотел учиться у Шенберга, но тот, послушав, ответил ему становиться «оплошным Шенбергом» и предложил лучше играть вместе в теннис, а портрет Гершвина с ракеткой висит теперь на стене. В просторной гостиной — кресло Шенберга, сидя в котором он преподавал. Сюда к нему приходил Джон Кейдж, высоко ценивший своего учителя. Как известно, через тот затылок Шенберг, пропавший, пророчески сказал ему: «Джон, вы никогда не будете композитором, но вы — гениальный изобретатель музыки». Под стеклянной столешницей в центре гостиной лежит копия афиши берлинской премьеры «Луизиана Пьеро», а над каминным висит репродукция картины Шенберга «Красный взгляд». Подлинник я видел в музее Шенберга в Лейпциге.

— Если обобщить все сказанное, что в американском путешествии стало для вас главным?

— Я рад, что удалось почувствовать атмосферу шенберговского дома: четыре концерта за шесть дней. Было ли еще что-то интересное, помимо музыкальных событий?

— Для меня одно из самых важных событий — это посещение дома Арнольда Шенберга, кумира моей юности. Я заранее договорился с сыном композитора Рональдом и

Беседавала Елена НАЛИВАЕВА